

Научная статья

УДК 343.101

doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.001

Из опыта противодействия беспорядкам в российских пенитенциарных учреждениях на рубеже XIX–XX веков

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ

Академия управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Реферат

Введение: в статье с историко-правовых позиций раскрываются мероприятия по борьбе с беспорядками среди заключенных, проводимые администрацией и надзорсоставом мест лишения свободы Российской империи, на рубеже XIX–XX вв. Хронологические рамки исследования определяются периодом нарастания революционной ситуации в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. и революции 1905–1907 гг., а также активизации вызванных этими событиями бунтов и массовых беспорядков среди заключенных. *Цель:* на основе обобщения опыта деятельности администрации и надзорсостава российских мест лишения свободы в изучаемый период дополнить и скорректировать представления, сложившиеся в истории пенитенциарной системы. *Методы:* в основу исследования были положены статистический и историко-сравнительный методы, также использовались диалектический, логический методы, метод синтеза и системно-функционального анализа. *Результаты:* анализ правовой регламентации и практики деятельности администрации и надзорсостава мест заключения Российской империи показал, что в изучаемый период режим отбывания наказания в них подвергся значительным нарушениям, что выразилось в бунтах и массовых беспорядках, сопровождавшихся побегам и иными тяжкими преступлениями. Важное значение в этой связи приобрели мероприятия руководства пенитенциарных учреждений, направленные на укрепление дисциплины и служебной подготовки личного состава. *Выводы:* функционирование российских мест заключения на рубеже XIX–XX вв., особенно в 1905–1907 гг., сопровождалось беспорядками среди контингента что в значительной степени способствовало их реорганизации. Противодействие беспорядкам в местах лишения свободы вызвало необходимость действенных мер, направленных на укрепление режима отбывания наказания и дисциплины среди не только арестантов, но и персонала мест заключения.

Ключевые слова: Российская империя; пенитенциарные учреждения; противодействие беспорядкам; арестанты; террор.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Епифанов А. Е. Из опыта противодействия беспорядкам в российских пенитенциарных учреждениях на рубеже XIX–XX веков // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 4–12. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.001.

Original article

On the Experience of Countering Riots in Russian Penitentiary Institutions at the Turn of the XIX–XX Centuries

ALEKSANDR E. EPIFANOV Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Abstract

Introduction: the article reveals measures taken by the administration and supervision of places of detention of the Russian Empire to combat riots among prisoners at the turn of the XIX–XX centuries. As for a chronological framework of the study, it includes a period of growth of the revolutionary situation in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries and the 1905–1907 revolution, as well as the intensification of riots and mass riots among prisoners caused by these events. *Purpose:* based on generalization of the experience of the administration and supervision of Russian places of detention in the period under study, to supplement and correct the ideas that have developed in the history of the penitentiary system. *Methods:* statistical and statistical-comparative methods, dialectical, logical methods, methods of synthesis and system-functional analysis. *Results:* the analysis of legal regulation and practical activities of the administration and supervision of places of detention of the Russian Empire shows that during the period under study, the regime of serving sentences in them was significantly violated, which resulted in riots and mass riots, accompanied by escapes and other serious crimes. In this regard, activities of penitentiary institution authorities aimed at strengthening discipline and professional training of personnel were important. *Conclusion:* functioning of Russian places of detention at the turn of the XIX–XX centuries was accompanied by riots among the continent, especially in 1905–1907, which greatly contributed to their reorganization. Countering riots in places of detention necessitated effective measures aimed at strengthening the regime of serving sentences and discipline not only among prisoners, but also among employees.

Keywords: the Russian Empire; penitentiary institutions; counteraction to riots; prisoners; terror.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Epifanov A.E. On the experience of countering riots in Russian penitentiary institutions at the turn of the XIX–XX centuries. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 4–12. doi 10.46741/2686-9764.2024.65.1.001.

Введение

Новизна исследования определяется прежде всего комплексным раскрытием аспектов, связанных с проявлениями беспорядков среди арестантов в дореволюционной России, их причин, условий и особенностей. Несмотря на все многообразие связанной с тюремоведением литературы, проблематика по теме исследования затрагивалась в ней лишь фрагментарно. В дореволюционный период такие авторы, как А. Виташевский [1], В. Колосов [2], М. Конопницкая [3], Г. Лейсс [4], П. Якубович [5] и др., касались ее в политологическом и историческом аспектах.

В советский период история отечественных пенитенциарных учреждений излагалась в идеологизированном и тенденциозном плане. В работах В. Бик [6], О. Виккер [7], Ф. Данцкес [8], Н. Петрова-Павлова [9], М. Гернета [10] и др. отбывание наказания в местах заключения царской России однозначно оценивалось как бесчеловечное, а противодействие арестантов установленному в пенитенциарных учреждениях режиму рассматривалось в основном позитивно.

Современные работы Р. Андриянова [11], О. Крюковой [12], И. Стрыгиной [13], Н. Нарышкиной [14], О. Березиной [15] и др. отличаются деполитизиро-

ванностью и объективностью. Кроме того, эти авторы вводят в научный оборот новые исторические источники, в том числе архивные материалы.

Проблемы обеспечения прав арестантов в российских местах заключения, противодействия их побегам и террору в отношении чинов надзора и администрации на рубеже XIX–XX вв. стали объектом исследования А. Е. Епифанова, Е. М. Павленко, Е. Е. Красноженовой и С. Н. Кулика [16–18].

В отмеченных работах вопросы, касающиеся истории противодействия беспорядкам в пенитенциарных учреждениях Российской империи на рубеже XIX–XX вв., нашли отражение лишь частично, комплексного исследования они не получили.

Главное тюремное управление осознавало усугублявшееся ухудшением состава осужденных неудовлетворительное состояние пенитенциарной системы. Переполненность большинства тюрем значительно осложняла поддержание необходимого режима и дисциплины администрацией мест заключения. Однако, по мнению ведомства, именно переживаемая Россией революционная ситуация требовала от его чинов до конца исполнить свой служебный долг.

Исправить положение были призваны совершенствование режима отбывания наказания, включая

разделение заключенных по роду совершенных преступлений, отделение рецидивистов и т. п., а также введение патроната для отбывших наказание и обязательное предоставление им работы.

Динамика беспорядков и связанных с ними правонарушений среди заключенных в российских пенитенциарных учреждениях в изучаемый период представлена в табл. 1, 2.

Таблица 1

Сведения о происшествиях в местах заключения в 1899–1908 гг. [19, с. 698]

Годы	Виды происшествий									
	Беспорядки	Убийство арестантами чинов тюремного надзора, администрации и медицинского персонала	Насильственные действия в отношении чинов надзора, управления и караула	Убийство арестантов арестантами	Нанесение арестантами ран и побоев друг другу	Подделка монет	Святотатство	Поджоги	Пожары	Самоубийства и покушения на самоубийство арестантов
1899	13	–	9	2	12	–	–	1	6	11
1900	6	–	11	4	7	–	–	2	4	10
1901	51	–	34	17	24	4	3	1	7	24
1902	63	–	30	20	26	5	3	2	12	20
1903	168	2	55	16	79	7	6	7	19	42
1904	140	3	49	22	74	5	21	3	11	42
1905	137	–	46	28	41	2	9	4	13	40
1906	133	11	85	42	122	2	2	7	27	42
1907	145	33	119	58	116	15	14	23	45	118
1908	43	5	36	42	72	6	9	9	23	103

Обращает на себя внимание стремительный рост насильственных преступлений, сопровождавших беспорядки в российских тюрьмах. Только в 1907 г. были убиты 140 и ранены 169 чинов тюремной администрации и надзорсостава, в том числе начальник Главного тюремного управления (ГТУ) А. М. Максимовский.

Таблица 2

Число убийств и насильственных арестантами в отношении чинов тюремного надзора и арестантов [19, с. 698]

Годы	Общее число	Показатели на 10 000 арестантов
1899	23	3
1900	22	3
1901	75	9
1902	76	9
1903	152	16
1904	148	16
1905	115	14
1906	260	24
1907	326	23
1908	155	9

Вся полнота ответственности за поддержание порядка и режима отбывания наказания во вверен-

ных пенитенциарных учреждениях возлагалась на их начальников. Так, согласно циркуляру саратовского губернского тюремного инспектора № 8346 от 16.12.1903 г. начальник (смотритель) тюрьмы объявлялся полным хозяином и блюстителем порядка во вверенном учреждении. В этой связи находящимся в тюрьмах воинским чинам запрещалось принимать участие в обысках. При подавлении беспорядков они оставались в полном подчинении своих воинских начальников и руководствовались уставами внутренней и гарнизонной службы. Вмешательство начальника тюрьмы в их действия запрещалось (Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 290. Оп. 1. Д. 14. Л. 47).

В целях предотвращения беспорядков и бунтов среди заключенных администрацией пенитенциарных учреждений были установлены регулярные проверки усвоения надзирателями сделанных им разъяснений, правил употребления и обращения с оружием, вводились систематические и особо тщательные осмотры и обыски в камерах для обнаружения подкопов и недозволённых к хранению вещей. Порой арестанты проявляли недюжинную хитрость и смекалку, с тем чтобы скрыть от тюремного надзора запрещенные предметы и оружие. Так, в 1909 г. при обыске заключенного Камалова в Метехском тюремной замке в его деревянной ноге был обнаружен пистолет системы Браунинга с двумя обоймами [20, с. 948].

Согласно установленному порядку камеры с заключенными в обязательном порядке должны были находиться под запором. Переход арестантов из одной камеры в другую категорически запрещался, как и занавески и загородки, препятствующие надзору за арестантами. Выпуск арестованных на прогулки, в баню, отхожие места и пр. был разрешен только небольшими партиями.

Прогулки заключенных допускались не беспорядочной толпой, а в определенном порядке (попарно, в кругу и т. п.) и под усиленным конвоем. Кроме того, при рассматриваемых обстоятельствах ГТУ был поставлен вопрос о запрете надзирателям, входящим в арестантские камеры, иметь при себе оружие. При входе надзирателей в камеры особо опасных преступников предписывалось держать последних на прицеле и при необходимости применять оружие на поражение.

Несмотря на строгие указания ГТУ, беспорядки в местах заключения не только продолжались, но и имели тенденцию к расширению. Ревизии мест заключения показали, что во многих из них было обнаружено полное отсутствие надлежащего тюремного режима, без которого поддержание порядка и дисциплины было немыслимо. В то время как постоянное содержание арестантских камер на запоре являлось одним из необходимых условий обеспечения внутреннего порядка, они оставались открытыми, создавая заключенным условия для нападений на тюремную администрацию и надзорсостав. Арестанты имели возможность переходить из камеры в камеру, носить собственную одежду и хранить в камерах недопущенные вещи. Начальники мест заключения во многих случаях проявляли слабость и бесхарактерность, совершенно не заботясь об укреплении собственного авторитета среди как подчиненных, так и осужденных. Помощники начальников мест заключения во многих случаях не принимали необходимых мер по подготовке надзирателей к тюремной службе, недостаточно наблюдали за качеством исполнения теми служебных обязанностей и даже нередко оставляли без внимания донесения чинов надзора о нарушении заключенными дисциплины и тюремных правил. Тем самым они роняли в глазах арестантов всякое значение надзорсостава и ослабляли в чинах тюремной стражи стремление к ревностному исполнению служебного долга.

В деле поддержания порядка и дисциплины в местах заключения отмечался целый ряд недопустимых упущений. Так, из-за опасений вызвать открытый бунт заключенных за нарушение тюремных правил они часто не наказывались. Многие проступки оставались безнаказанными, и зачастую наступала полная распущенность тюремных учреждений. Тем самым тюремное начальство предпочитало мириться не только с отсутствием режима и дисциплины в тюрьмах, но даже с явным нарушением арестантами основных требований тюремного законодательства.

Подобный порядок в тюрьмах ГТУ был признан непереносимым. В этой связи чины тюремной администрации были призваны найти в себе мужество противостоять незаконным домогательствам арестантов и применять к ним подкупающие взыскания, невзирая

на категории и сословия, к которым те принадлежали. Необходимо отметить, что во многих случаях чины тюремной администрации, надзорсостава и конвоя проявляли мужество и отвагу при исполнении служебных обязанностей. Так, 1 августа 1907 г. унтер-офицер рижской конвойной команды Злобин в качестве ее начальника сопровождал колонну из 31 арестанта. Внезапно арестанты были окружены публикой, которая вопреки действиям конвоя стала передавать им записки и цветы. В ходе завязавшейся потасовки Злобин был ранен ударом палки по голове, но, несмотря на полученное ранение, обливаясь кровью, сумел разогнать толпу и доставить всех заключенных по месту назначения. За проявленные мужество и самоотверженность унтер-офицер был удостоен личной похвалы императора [21, с. 33].

Как оказалось, нередко причины возникновения беспорядков и грубых нарушений дисциплины и режима в местах заключения крылись в отсутствии необходимого руководства тюремным делом и надзора за ним со стороны губернского начальства. Часто последнее не было осведомлено о существующих в тюрьмах порядках, при возникновении затруднений в правильном содержании арестантов оно предпочитало ограничиваться информированием о них Главного тюремного управления, не предпринимая при этом необходимых мер по устранению недостатков. В достаточной степени заботы по пополнению личного состава тюремной администрации и надзорсостава также не проявлялось. Более того, губернские власти допускали недопустимые сношения арестантов с внешним миром, в том числе с оказывавшими помощь политзаключенным подпольными организациями [22, с. 734].

Некоторые губернаторы разрешали своей властью существенные отступления от установленного порядка содержания арестантов, в том числе оставление камер незапертыми. Политзаключенным разрешались свидания без уважительных причин и не через решетку. Допускались передача им запрещенных предметов, а также предоставление недопустимых льгот.

29 сентября 1907 г. в целях обеспечения государственного порядка и общественного спокойствия министр внутренних дел своим циркуляром № 114153 предложил руководителям местной администрации принять необходимые меры по предупреждению беспорядков среди арестантов и не перекладывать все заботы по управлению местами заключения исключительно на губернских тюремных инспекторов [22, с. 733].

Для подавления насильственного противодействия заключенных тюремной администрации было предоставлено право применять вооруженную силу в лице тюремных надзирателей, а в крайних случаях – прибегать к содействию войск [23, с. 809]. Применение огнестрельного оружия к арестантам в качестве меры крайней необходимости допускалось не только чинами тюремного надзорсостава, но также полицейскими и жандармскими командами, привлекаемыми для восстановления порядка в тюрьмах. Согласно соответствующей инструкции, утвержденной МВД 23 апреля 1908 г., необходимость применения

оружия определялась распоряжавшимся на месте беспорядков старшим полицейским начальством. Соответствующий приказ следовало отдавать лишь в том случае, если все средства к усмирению неповинующихся были исчерпаны. Приводить оружие в действие было возможно лишь после троекратного «громогласного» предупреждения неповинующихся на этот счет. Применение огнестрельного оружия допускалось для рассеивания неповинующейся толпы, препятствующей продвижению команды; против нападающих арестантов, а также производящих в присутствии команды насилие над личностью, насильственное уничтожение имущества, поджоги и убийства. Стрельба в воздух или холостыми патронами при этом запрещалась (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 88. Л. 313). Как отмечалось Главным тюремным управлением, в подавляющем большинстве случаев расследование показывало абсолютную правомерность действий тюремной администрации по применению оружия [21, с. 28].

Согласно циркуляру Главного тюремного управления № 31 от 20.11.1907 в дополнение к требованию действовать оружием для прекращения недозволенных песен и речей арестантов предписывалось открывать огонь по тюремным окнам, если осужденные предпринимали попытки испортить рамы, выбросить наружу какие-либо вещи или вести переговоры с посторонними. Применять оружие предписывалось при буйстве, беспорядках и сопротивлении арестантов [24, с. 698].

Согласно установленному порядку принятие решения о применении оружия относилось к компетенции начальника места заключения либо старшего по должности чина тюремной администрации или стражи. При их отсутствии на месте происшествия в экстренных случаях оружие могло применяться без их ведома и разрешения. Выбор между холодным или огнестрельным оружием при этом оставался за его владельцем. В любом случае его применение допускалось только на поражение. О каждом случае применения оружия чинами тюремной администрации незамедлительно составлялся протокол с изложением обстоятельств дела. Характерно, что названная инструкция была размещена в тюрьмах для всеобщего ознакомления. Более того, согласно циркуляру ГТУ № 31 от 20.11.1907, управление осуществляло мониторинг всех случаев применения оружия чинами тюремной администрации и надзорсостава на предмет награждения лиц, проявивших особую находчивость и распорядительность по предотвращению беспорядков с оружием в руках [22, с. 729].

Точное исполнение правил инструкции об употреблении оружия чинами тюремной администрации и стражи было закреплено 30 ноября 1909 г. циркуляром Главного тюремного управления № 57. Более того, с тем чтобы избежать излишнего кровопролития, названный циркуляр требовал вывешивать в камерах заключенных текст инструкции либо краткое и доходчивое изложение тех нарушений тюремного режима, которые влекут за собой применение оружия.

Кроме того, циркуляр содержал предписание проводить с арестантами разъяснительную работу по этому поводу и при необходимости делать соответствующие предупреждения [25, с. 1131].

Учитывая интересы безопасности чинов надзора и стражи, наружная охрана тюрем устраивалась таким образом, чтобы исключить всякую возможность массовых беспорядков во дворе тюрьмы. Так, в Александровской каторжной тюрьме с устроением по периметру сторожевых вышек тюремный двор был полностью открыт для обстрела таким образом, чтобы часовые за короткое время могли перестрелять половину бунтовщиков. Данное обстоятельство было призвано удерживать заключенных от участия в беспорядках [22, с. 758].

Одновременно со стремительным ростом тюремного населения начиная с 1906 г. отмечаются и коренные перемены в его составе и характере. В результате в местах заключения в большом количестве сосредотачиваются опасные преступники, склонные к совершению тяжких преступлений. Немало проблем доставляли тюремной администрации и надзорсоставу политические заключенные. Формально они подлежали отбыванию наказания в условиях, предназначенных для общеуголовных заключенных. Некоторые требования относительно данной категории были представлены в правилах о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов, утвержденных министром юстиции 16 ноября 1904 г. На практике в отношении политзаключенных допускался ряд отступлений, не предусмотренных ни уголовно-исполнительным законодательством, ни названными правилами. Так, в нарушение последних политическим арестантам разрешались свидания не только с родными и близкими, но и с посторонними лицами, причем в любое время и в помещениях без решеток. Вопреки ст. 286 Устава о ссыльных (в редакции 1902 г.) содержащиеся в тюрьмах каторжники далеко не всегда заковывались в кандалы.

Летом 1906 г. при ревизии Акатуевской каторжной тюрьмы инспектором ГТУ были выявлены вопиющие нарушения режима отбывания наказания. Арестанты содержались в незапертых камерах и беспрепятственно общались между собой. Они имели крупные суммы денег при себе, собственную лавку и общую кухню. Родственники и знакомые заключенных имели возможность посещать их в камерах, а сами они – отлучаться из тюрьмы в соседние селения. Подобный порядок совершенно не соответствовал установленным требованиям и характеру каторжных работ как тягчайшего из уголовных наказаний [26, с. 298].

К полной распущенности и своеволию заключенных в Акатуевской тюрьме привели послабления режима. По их собственному выражению, они жили там как у себя дома. По отзывам Иркутского генерал-губернатора и прокурора Читинского окружного суда, Нерчинская каторга, включавшая названную тюрьму, вплоть до начала 1907 г. находилась в крайне неудовлетворительном состоянии. Это проявлялось не только в ветхости и техническом несовершенстве тю-

ремных зданий, но и в отсутствии среди заключенных надлежащей дисциплины, а также допуская административные отступления от установленных правил содержания каторжных. Так, тюремное начальство не препятствовало общению содержащихся в Акатуевской тюрьме женщин с остальными политзаключенными. Они образовали сплоченную коммуну, которая фактически управляла тюрьмой. Политзаключенные завели свою кухню, устроили лавку. Вопреки установленному порядку политзаключенные использовали общеуголовных арестантов в качестве прислуги, носили собственные одежду и белье (при обыске у них были обнаружены деньги и фальшивые паспорта). Обыскам политзаключенные не подвергались, от оков были освобождены. Родственники и знакомые беспрепятственно навещали их в камерах. Ко всему прочему, арестанты наотрез отказывались выполнять распоряжения администрации, направленные на восстановление тюремного режима. Между тем в Акатуевской тюрьме были сосредоточены осужденные за наиболее опасные государственные преступления, в том числе террористы и лица, которым смертная казнь была заменена каторгой. Восстановление надлежащего порядка в тюрьме потребовало не только применения строгих мер дисциплинарного взыскания, но и вмешательства воинской конвойной команды. За ослабление режима, повлекшее тяжкие последствия, начальник тюрьмы, его помощник и один из надзирателей были преданы суду [27, с. 421–428].

За нарушение порядка в исправительных арестантских отделениях с отягчающими обстоятельствами (упорное неповиновение, буйство или ослушание скопом и т. п.) на основании ст. 397 Устава о ссыльных допускался арест в темном или светлом карцере сроком до месяца. На буйствующих в карцере арестантов, согласно ст. 396, могла по установленным правилам надеваться смирительная рубашка. Осужденные, не освобожденные от телесных наказаний, в качестве альтернативы карцеру могли подвергаться 50 ударам розгами.

ГТУ требовало от чинов тюремной администрации и надзора ни в коем случае не заискивать перед заключенными и не допускать никаких послаблений режима, за исключением прямо предусмотренных соответствующими распоряжениями. Например, тюремная администрация и надзор ГТУ наряду с репрессивными средствами воздействия на правонарушителей могли применять такую меру поощрения добросовестных заключенных, как предоставление права на курение табака при условии, что это будет безопасным в пожарном отношении и не стеснит некурящих арестантов. Носило оно льготный характер и допускалось лишь для тех осужденных, которые отличились хорошим поведением и усердием в работе. В случае неповиновения и иных проступков арестанта данное разрешение подлежало отмене. Между тем во многих местах заключения, вопреки точному смыслу циркуляра ГТУ № 13 от 24.08.1905, курение табака было разрешено всем арестантам без исключения. Так, в одной из тюрем курение было разреше-

но даже арестанту, который за вредное влияние на товарищей был переведен из общей камеры в одиночную [23, с. 810].

Суровому наказанию подлежали чины администрации и надзорсостава, допустившие недозволенные сношения с арестантами. Так, 19 апреля 1902 г. Тюремное управление Саратовского губернского правления в назидание всему личному составу вверенных мест заключения региона распространило циркуляр о том, что за слишком близкую дружбу с арестантами и полную неблагонадежность в административном порядке был уволен младший надзиратель Вольской тюрьмы Моргунов (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 14. Л. 151). Другой надзиратель той же тюрьмы в аналогичном порядке был уволен за то, что доставил с внешних работ 18 арестантов в пьяном виде (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 14. Л. 171).

Во многих случаях массовые беспорядки в российских пенитенциарных учреждениях были направлены на совершение побегов. Например, 29 апреля 1908 г. кровопролитный бунт произошел в Екатеринославской тюрьме. В ходе его заключенными, в основном особо опасными преступниками, в том числе осужденными к смертной казни, была предпринята безуспешная попытка побега. Сигналом к началу беспорядков послужил взрыв бомбы, заложенной в тюфяке у тюремной стены. После этого, выхватив полученные с воли и спрятанные ранее револьверы новейшей системы, расстреливая оказавшихся на пути надзирателей, арестанты ринулись освобождать запертых в камерах сподвижников. В ходе завязавшейся перестрелки часовыми и надзирателями был убит 21 заключенный. Еще четверо арестантов были убиты надзирателями в камерах, после того как попытались выломать двери. Многие арестанты были ранены тюремной стражей и военным караулом, отгонявшими их выстрелами от окон. Своевременно прекратить беспорядки удалось благодаря прибытию к месту событий кавалерийских и пехотных воинских подразделений [28, с. 417–419].

С целью предупреждения побегов арестантов в местах заключения применялись специальные меры предосторожности. Их перечень расширительному толкованию не подлежал. Арестант, совершивший побег, а равно изобличенный в покушении или приговорении к нему, мог быть заключен в отдельную камеру и, кроме того, за некоторыми исключениями властью начальника места заключения с ведома лица прокурорского надзора закован в кандалы [24, ст. 407].

Учитывая особую опасность осужденных к каторжным работам, согласно примечанию 1 к ст. 407 Устава о содержании под стражей, все заключенные этой категории с момента вступления судебных приговоров в законную силу и к моменту отправки к месту ссылки подлежали обязательному заковыванию в кандалы на всем протяжении следования по этапу, а также обриту правую сторону головы (как того требовала ст. 194 Устава о ссылке). Между тем саратовский губернский тюремный инспектор, например, в ходе ин-

спектирования некоторых тюрем региона обнаружил там осужденных ссыльно-каторжных без оков и обривания головы, в связи с чем 10 января 1903 г. вынужден был своим циркуляром самым строгим образом потребовать от их руководства незамедлительного наведения порядка в данной сфере (ГАВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.).

5 марта 1904 г. Тюремное отделение Саратовского губернского правления своим циркуляром № 1889 в развитие действующих распоряжений Министерства внутренних дел потребовало обязательного заковывания в кандалы бродяг (с момента вступления приговора суда в силу); преступников мужского пола, за исключением малолетних и лиц, освобожденных от телесных наказаний; лиц, осужденных к ссылке за тяжкие уголовные преступления (при их этапировании к месту отбывания наказания) [29, с. 115].

Негодование широкой общественности вызвало применение к арестантам такой разновидности кандалов, как особые предупредительные связки. Согласно циркуляру Главного тюремного управления № 7 от 07.04.1907 они также применялись для противодействия побегам. На пересыльных арестантов могли быть наложены наручники, с соблюдением правил, установленных для применения кандалов

[24, ст. 410]. По установленным правилам, за поимку бежавших арестантов выдавалось денежное вознаграждение [24, ст. 415].

Выводы

На рубеже XIX–XX вв. российские пенитенциарные учреждения испытали значительный всплеск массовых беспорядков и нарушений режима отбывания наказания, сопровождавшихся многочисленными попытками побега заключенных. Особенно названные проявления активизировались в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. В свою очередь, рост числа бунтов и волнений среди арестантов оказал существенное влияние на реорганизацию мест заключения Российской империи.

Развитию беспорядков благоприятствовали просчеты администрации и надзорсостава в обеспечении режима отбывания наказания, небрежное исполнение ими своих служебных обязанностей, переполненность мест лишения свободы и возрастание удельного веса в них осужденных опасных преступников, в том числе государственных. На противодействие беспорядкам в пенитенциарных учреждениях был направлен ряд мер по укреплению режима отбывания наказания и дисциплины среди как арестантов, так и персонала мест заключения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Виташевский А. Централка. Из воспоминаний // Былое. 1906. № 7. С. 107–135.
2. Колосов В. Рассказы о Карийской каторге (из воспоминаний врача). СПб., 1907. 319 с.
3. Конопницкая М. Картинки из тюремной жизни и другие рассказы. СПб., 1911. 178 с.
4. Лейсс Г. В исправительной тюрьме. СПб., 1906. 256 с.
5. Якубович П. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. СПб., 1907. 544 с.
6. Бик В. К материалам о Якутской трагедии // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 29–38.
7. Виккер О. Побег романовцев // Каторга и ссылка. 1929. № 3. С. 74–85.
8. Данцкес Ф. Истязания в Орловском центре // Каторга и ссылка. 1923. № 3. С. 153–163.
9. Петров-Павлов Н. О побеге смертников и каторжан из Бобруйской крепости // Каторга и ссылка. 1924. № 6. С. 92–124.
10. Гернет М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М., 1960–1963. Т. 3. 430 с.
11. Андриянов Р. В. Уголовная ответственность за побег в дореволюционной России // Вестник Кузбасского института. 2015. № 4 (25). С. 15–18.
12. Крюкова О. Ю. Уголовная ответственность за побег из мест лишения свободы, уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы: исторический аспект // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1 (41). С. 30–36.
13. Стрыгина И. В. Очерк истории преступлений против правосудия по уголовному законодательству досоветского периода // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10 (44). С. 218–223.
14. Нарышкина Н. И. Организационно-правовые меры предупреждения побегов из тюрем в России: исторический аспект // Преступность, криминология, криминологическая защита / под ред. А. И. Долговой. М., 2007. С. 281–286.
15. Березина О. Б. Нерчинская каторга в системе пенитенциарных учреждений России в конце XVIII – начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2006. № 4 (44). С. 14–18.
16. Епифанов А. Е. Из истории противодействия беспорядкам в российских пенитенциарных учреждениях на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Саратовской губернии) // Былые годы. 2023. № 18 (2). С. 812–820.
17. Епифанов А. Е., Павленко Е. М. Из истории обеспечения прав заключенных в тюрьмах Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Саратовской губернии) // Былые годы. 2021. № 16 (4). С. 1910–1921.
18. Епифанов А. Е., Красноженова Е. Е., Кулик С. Н. Побег арестантов в истории российских пенитенциарных учреждений конца XIX – начала XX вв. // Былые годы. 2022. № 17 (2). С. 876–889.
19. Тюремный вестник. 1910. № 5. 810 с.
20. Тюремный вестник. 1909. № 10. 1024 с.
21. Епифанов А. Е., Джамбалаев Я. Р. Особые государственно-правовые режимы в отечественной теории государства и права // Право и практика. 2012. № 1. С. 30–36.
22. Тюремный вестник. 1907. № 10. 800 с.
23. Тюремный вестник. 1906. № 10. 855 с.

24. Свод законов Российской империи. Том четырнадцатый. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражей и о ссыльных. СПб., 1890. 909 с.
25. Тюремный вестник. 1909. № 12. 1206 с.
26. Тюремный вестник. 1907. № 4. 335 с.
27. Тюремный вестник. 1907. № 6. 524 с.
28. Тюремный вестник. 1908. № 5. 436 с.
29. Ашихмина А. В., Епифанов А. Е., Абдрашитов В. М. Механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Волгоград, 2008. 222 с.

REFERENCES

1. Vitashevskii A. *Central prison. Memories. Byloe = The Past*, 1906, no. 7, pp. 107–135. (In Russ.).
2. Kolosov V. *Rasskazy o Kariiskoi katorge (iz vospominanii vracha)* [Stories about the Kariya penal servitude (from the memoirs of a doctor)]. Saint Petersburg, 1907. 319 p.
3. Konopnitskaya M. *Kartinki iz tyuremnoi zhizni i drugie rasskazy* [Pictures from prison life and other stories]. Saint Petersburg, 1911. 178 s.
4. Leiss G. *Vispravitel'noi tyur'me* [In a correctional prison]. Saint Petersburg, 1906. 256 p.
5. Yakubovich P. *V mire otverzhennykh. Zapiski byvshego katorzhnika* [In the world of the outcasts. Notes of a former convict]. Saint Petersburg, 1907. 544 p.
6. Bik V. On the materials about the Yakut tragedy. *Katorga i ssylka = Hard Labor and Exile*, 1926, no. 3, pp. 29–38. (In Russ.).
7. Vikker O. Escapes of the Romanovs. *Katorga i ssylka = Hard Labor and Exile*, 1929, no. 3, pp. 74–85. (In Russ.).
8. Dantsskes F. Tortures in the Orel central prison. *Katorga i ssylka = Hard Labor and Exile*, 1923, no. 3, pp. 153–163. (In Russ.).
9. Petrov-Pavlov N. On the escape of suicide bombers and convicts from the Bobruisk fortress. *Katorga i ssylka = Hard Labor and Exile*, 1924, no. 6, pp. 92–124. (In Russ.).
10. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my: v 5 t. T. 3* [History of the tsar's prison: in 5 volumes. Volume 3]. Moscow, 1960–1963. 430 p.
11. Andriyanov R.V. Criminal liability for escape in pre-revolutionary Russia. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2015, no. 4 (25), pp. 15–18. (In Russ.).
12. Kryukova O. YU. Criminal liability for escape from places of deprivation of liberty, evasion from serving a punishment in correctional facilities: historical aspect. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2018, no. 1 (41), pp. 30–36. (In Russ.).
13. Strygina I.V. Outline history of crimes against justice criminal law of pre-Soviet period. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Socio-Economic Phenomena and Processes*, 2012, no. 10 (44), pp. 218–223. (In Russ.).
14. Naryshkina N.I. Organizational and legal measures to prevent prison escapes in Russia: historical aspect. In: Dolgova A.I. (Ed.). *Prestupnost', kriminologiya, kriminologicheskaya zashchita* [Crime, criminology, criminological protection]. Moscow, 2007. Pp. 281–286. (In Russ.).
15. Berezina O.B. Penal servitude of Nerchinsk in the system of penitentiary institutions of Russia at the end of XVIII – beginning of XX centuries. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, 2006, no. 4 (44), pp. 14–18. (In Russ.).
16. Epifanov A.E. From the history of counteraction to riots in Russian penitentiary institutions at the turn of the XIX – XX centuries (based on the materials of the Saratov Province). *Bylye gody = The Years Past*, 2023. No. 18 (2). S. 812–820. (In Russ.).
17. Epifanov A.E., Pavlenko E.M. From the history of ensuring the rights of prisoners in prisons of the Russian Empire at the turn of the 19th - 20th centuries (based on materials from the Saratov Province). *Bylye gody = The Years Past*, 2021, no. 16 (4), pp. 1910–1921. (In Russ.).
18. Epifanov A.E., Krasnozhnova E.E., Kulik S.N. Escapes of prisoners in the history of Russian penitentiary institutions of the late XIX – early XX centuries. *Bylye gody = The Years Past*, 2022, no. 17 (2), pp. 876–889. (In Russ.).
19. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1910. No. 5. 810 p.
20. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1909. No. 10. 1,024 p.
21. Epifanov A.E., Dzhabalaev Ya.R. Special state-legal regimes in domestic theory of law. *Pravo i praktika = Law and Practice*, 2012, no. 1, pp. 30–36. (In Russ.).
22. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1907. No. 10. 800 p.
23. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1906. No. 10. 855 p.
24. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Tom chetyrnadtsaty. Ustavy o pasportakh, o preduprezhdenii prestuplenii, o tsenzure, o soderzhazhchikhsya pod strazhei i o ssyl'nykh* [The Code of Laws of the Russian Empire. Volume fourteen. Statutes on passports, on the prevention of crimes, on censorship, on detainees and on exiles]. Saint Petersburg, 1890. 909 p.
25. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1909. No. 12. 1,206 p.
26. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1907. No. 4. 335 p.
27. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1907. No. 6. 524 p.
28. *Tyuremnyi vestnik* [Prison Bulletin]. 1908. No. 5. 436 p.
29. Ashikhmina A.V., Epifanov A.E., Abdrashitov V.M. *Mekhanizm ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii* [Mechanism of restriction of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation]. Volgograd, 2008. 222 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

ALEKSANDR E. EPIFANOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Department for the Study of Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Статья поступила 05.02.2024
